

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР АЛЕКСАНДРА САМОЙЛОВА

Интервью с руководителем группы ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Веч. клуб. - 1998. - 30 апр. - с. 13.

Благодаря встрече Александра Самойлова и Владимира Шукина в семьдесят пятом году начался ПОСЛЕДНИЙ ШАНС. Вскоре к ним присоединился скрипач Сергей Рыженко. С тех пор прошло много лет, каждый из участников трио ныне возглавляет собственный ансамбль: Шукин — СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК, Рыженко — ФУТБОЛЗ, Самойлов — ПОСЛЕДНИЙ ШАНС.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС — это поэзия от Державина до Хармса и театр, в котором находится место безукоризненной режиссуры и актерской интонации, отточенной пластике и импровизации; скоморошество и почти цирковая клоунада, невероятные костюмы и рок-н-рольные ритмы, бесконечное разнообразие самых необычных музыкальных инструментов, всего того, что может звучать: “ложный саксофон” (альпийский рог), контрабас-балалайка и даже инструмент под названием “шлагбаум”, — сложная образность Серебряного века и простота детских песенок, юмор и в то же время мудрость. Артемий Троицкий назвал ПОСЛЕДНИЙ ШАНС одной из лучших наших рок-групп. Но рок ли это? Таким был наш первый вопрос к Александру Самойлову.

- Саша, согласны ли Вы с Троицким?... Дайте сами определение музыкальному стилю группы.

А.С.: А его нет: есть вкус собственный и от него идет вкус поэтический, вкус театральный, вкус музыкальный. Но главенствуют поэтический и театральный, потому что мелодия приходит из поэзии, а вкус театральный воспитан на определенном театральном опыте.

Мы не принадлежим ни року, ни бардовской песне, ни театру. Можно сказать, что ПОСЛЕДНИЙ ШАНС — музыкальный театр. Это, конечно, не Бродвей и не музыкальный театр Сап. Может быть, что-то третье?... Возможно, стиль группы — это мое личное ощущение сценического воплощения разной поэзии. Опыт театральной импровизации подсказывает, как подать песню на сцене, какие акценты расставить.

- Как Вы подбираете стихи для Ваших песен и почему обращаетесь в основном к Серебряному веку русской поэзии?

А.С.: Мне интересно то, что никем не использовалось. Раньше было много малоизвестных стихов. Эти времена закончились, и неизвестных имен практически нет. И поэтому я снова возвращаюсь к Бальмонту, Михаилу Кузьмину, Андрею Белому. Самое сложное — найти стихи, которые дают музыкальный импульс.

- Для кого Вы работаете, на какого слушателя рассчитываете?

А.С.: На детское восприятие, которое осталось и у взрослых. Кроме того, наши песни — “живые” и меняются в зависимости от нашего настроения. Мы постоянно импровизируем на сцене. И в этом смысле публика нам очень много дает. Открытый, “незашоренный”, неравнодушный зритель способен направить нашу импровизацию в неожиданное русло.

- А в каких залах вы любите выступать?

А.С.: Желательно, чтобы уютно было. Идеальный зал для нас — это театральный зал мест на сто пятьдесят. В таких залах мы давали концерты в Праге. В Москве мы с радостью выступали в театре-

студии на Юго-Западе, играли в театре на Таганке, где работали в свое время с Юрием Любимовым и Олегом Киселевым.

- Так исторически сложилось, что Вы даете гораздо больше концертов в Германии и Чехии, чем в России. Как иностранцы воспринимают русскую поэзию?

А.С.: Очень здорово. Конечно, они не поэзию воспринимают, а энергетику стиха, театральную образность этих песен. А это может почувствовать зритель любой национальности, о чем бы мы ни пели. Ведь и в нашей стране не только люди, свободно владеющие английским, любят песни “Битлз”, “Роллинг Стоунз” и других англоязычных групп. Нельзя сказать, чтобы за границей у нас была огромная аудито-

рия, но успех в тех местах, где мы выступаем, действительно, стопроцентный. А вообще успех у широкой публики зависит от уровня раскрученности, и за границей тоже.

У ПОСЛЕДНЕГО ШАНСА есть песня на басню Крылова “Змей и Мотылек” (высоко летающий бумажный Змей смеется над мотыльком, летающим не так высоко, но мотылек не унывает: змей привязан к нитке. “А я хоть, правда, невысоко, зато лечу, куда хочу!”) Эту песню можно назвать манифестом ПОСЛЕДНЕГО ШАНСА и на протяжении всей жизни группа следует девизу своего героя: летит туда, куда хочет сама.

Беседовала Мария Зюбина